

Н.С. Суворов

Лекции по истории философии права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.С. Суворов**
Лекции по истории философии права / Н.С. Суворов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 151 с.

ISBN 978-5-458-02125-8

ISBN 978-5-458-02125-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гими способами. Во-первыхъ, можетъ читаться *философія права*, обнимающая собою всѣ отдѣльныя юридическія дисциплины: государственное право, частное право, уголовное, международное, церковное и проч. и не могущая, конечно, обойтись безъ историческаго ознакомленія со всѣми предшествовавшими философскими системами (въ такомъ видѣ напр., читаетъ философію права Лисстъ). Во-вторыхъ, въ такъ называемомъ „общемъ ученіи о государствѣ“ (*Allgemeine Staatslehre*), каковы напр., *Iellinek, Allgemeine Staatslehre, Schmidt, Allgemeine Staatslehre, Rehm, Allgemeine Staatslehre*, можно не только найти отвѣтъ на всѣ вопросы, которые содержатся въ русскихъ университетскихъ программахъ по исторіи философіи права, но и всѣ новѣйшія движенія европейской философской мысли, которыя въ нашихъ программахъ отсутствуютъ.

Оба указанные пути, возможные въ германскихъ университетахъ, затруднительны для насъ, потому, что для того, чтобы читать философію права, или общее ученіе о государствѣ такъ, какъ они читаются въ германскихъ университетахъ, нужно не только знать то, чему учить тотъ или другой философъ, а и самому имѣть философское міровоззрѣніе по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ кругъ философіи права. Это послѣднее для русскихъ ученыхъ, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ первое.

Какъ бы то ни было, на юридическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ читается не философія права, а исторія философіи права, какъ обзоръ теоретическихъ ученій, и притомъ не столько о правѣ, сколько о государствѣ, такъ что исторія философіи права въ русскомъ пониманіи сдѣлалась или почти сдѣлалась синонимомъ исторіи политическихъ ученій, которая притомъ далеко не доводится до настоящаго времени.

Глава I.

Греческая философія.

§ 2. **Предшественники Сократа.** Греческая философія развилась сначала не въ самой Греціи, а въ торговыхъ городахъ или колоніяхъ греческихъ, каковы іонійскія колоніи въ Малой Азіи, Сицилія, южная Италия, Фракія. Собственно Греція (и именно Аѳины) сдѣлалась центромъ философскаго движенія послѣ персидскихъ войнъ, когда выступили софисты, а противникомъ софистовъ выступилъ Сократъ, за которымъ въ свою очередь слѣдовали два величайшіе ума древности—Платонъ и Аристотель. Философскія ученія предшественниковъ Сократа, сами по себѣ, не имѣли непосредственнаго отношенія къ праву и государству. Но, во-первыхъ, ими объясняется та точка зрѣнія, на которую стали софисты, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняется и поводъ, по которому Сократъ выступилъ противъ софистовъ,—во-вторыхъ, Платонъ, Аристотель, стоики, Эпикуръ и даже нѣкоторые европейскіе мыслители позднѣйшаго времени пользовались въ большей или меньшей мѣрѣ мыслями древнѣйшихъ философовъ.

Къ предшественникамъ софистовъ и Сократа принадлежатъ: 1) древнѣйшіе или іонійскіе натурфилософы, 2) пифагорейцы, 3) элеаты, 4) младшіе или позднѣйшіе натурфилософы.

1) Древнѣйшіе или іонійскіе натурфилософы признавали началомъ и концомъ всѣхъ вещей какой-либо элементъ природы,—отсюда и усвоенное имъ названіе натурфилософовъ. Такъ *Талесъ милетскій* (род. въ 624 г. до Р. Хр.) училъ, что начало и конецъ всего есть вода. *Анаксимандръ милетскій* (род. въ 611 г. до Р. Хр.) признавалъ такимъ принципомъ неопредѣленную по качеству и безконечную по протяженію матерію, въ которой прежде всего выдѣлились теплота и холодъ; изъ теплоты и холода образуется сырость или влага; затѣмъ выдѣляются земля, воздухъ и огненный шаръ, обнимающій землю и воздухъ; на землѣ, образовавшейся изъ первоначально жидкаго состоянія, подъ вліяніемъ теплоты и влаги, путемъ

постепеннаго процесса, возникли живыя существа; земноводныя существа, какъ происшедшія изъ влаги подъ вліяніемъ теплоты, вначалѣ имѣли видъ рыбъ и лишь съ осушеніемъ земной поверхности получили свой настоящій видъ. *Анаксименъ милетскій* (род. около 528 г.) первооснованіемъ всѣхъ вещей считалъ воздухъ, изъ котораго, путемъ сгущенія и разрѣженія, возникли огонь, вѣтеръ, облака, вода и земля. *Гераклитъ ефесскій* (около 500 г.) признавалъ первоначаломъ всего сущаго эфирный огонь, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ всевѣдущій и всеуправляющій божественный духъ или разумъ ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$). Путемъ двоякаго процесса, все отъ эфирнаго огня переходитъ къ землѣ и водѣ или иначе къ смерти, и обратно отъ земли и воды къ эфирному огню, т. е. къ жизни, — такимъ образомъ *все течетъ*. Всеобщему, всепроникающему разуму должно повиноваться, — въ этомъ состоитъ этический принципъ ученія Гераклита. Одинъ изъ учениковъ Гераклита (Кратилъ) сдѣлалъ очень важное примѣненіе его ученія къ нашимъ понятіямъ, разсуждая, что и въ нашихъ понятіяхъ также *все течетъ*, т. е. нѣтъ ничего постояннаго.

2) Основатель пифагорейской школы, *Пифагоръ самосскій* (род. около 582 г.) проведшій конецъ своей жизни въ южной Италіи и основавшій тамъ союзъ друзей нравственности и порядка, училъ, что существо вещей есть число. Это нужно понимать такъ, что арифметическія числа (четное и нечетное) и геометрическія величины даютъ каждой вещи свойственную ей особенность. Неопредѣленное по своему качеству и неограниченное по пространству дѣлается, благодаря числу, опредѣленнымъ и ограниченнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и познаваемымъ для человѣческаго разума, а все міровое цѣлое есть гармоническое сочетаніе различій и противоположностей, средоточіе котораго есть центральный огонь. Размѣренныя движенія тѣлъ въ небесныхъ сферахъ вокругъ центрального огня, издають звуки — напоминаніе о нихъ даютъ семь струнъ или семь звуковъ лиры, — поэтому музыка, наравнѣ съ математикой, имѣла огромное значеніе въ пифагорействѣ.

3) *Элеаты* — философская школа, развившаяся въ Элеѣ въ Нижней Италіи — въ лицѣ главнаго ихъ представителя *Парменида*, — въ противоположность Гераклитовскому ученію о вѣчномъ теченіи и вѣчномъ измѣненіи всего сущаго, различали истинное неизмѣняемое бытіе, которое схватывается и постигается мышленіемъ, отъ того обманчиваго, кажущагося теченія или становленія, которое воспринимается нашими внѣшними чувствами. Отсюда различіе между знаніемъ и мнѣніемъ. Предметъ знанія есть истинно сущее, неизмѣняемое бытіе. Предметъ мнѣнія есть кажущееся многообразіе вещей. — Къ мнѣнію приводитъ обманъ чувствъ, воспринимающихъ это кажущееся многообразіе. Къ знанію приводитъ мышленіе, которымъ постигается истинное, неизмѣнное бытіе.

4) Такъ называемые младшіе натурфилософы раздѣляли мысль элеатовъ о неизмѣняемости истинно сущаго, но, въ противоположность элеатамъ, говорили не объ единомъ неизмѣнномъ бытіи, а о многихъ неизмѣняющихся субстанціяхъ или сущностяхъ. Наблюдаемая и воспринимаемая нашими внѣшними чувствами измѣняемость вещей, ихъ кажущееся возникновеніе и исчезновеніе есть не что иное какъ измѣненіе взаимныхъ отношеній этихъ сущностей между собою. Далѣе начинается коренное разногласіе между младшими натурфилософами. Одни, въ особенности Анаксагоръ (род. около 500 г. до Р. Хр.) наряду съ матеріальными субстанціями признавали идеальную силу, высшій разумъ, который упорядочиваетъ измѣненіе отношеній между субстанціями, такимъ образомъ допускали дуализмъ духа и матеріи. Другіе, какъ Левкиппъ и Демокритъ, родоначальники всѣхъ позднѣйшихъ матеріалистовъ, отвергали дуализмъ, отрицали существованіе какой-либо высшей идеальной силы внѣ матеріальнаго міра. Міръ наполненъ изначала существующими недѣлимыми тѣлами, атомами (отсюда названіе Левкиппа и Демокрита атомистами). Эти недѣлимые тѣла, атомы, отличаются одни отъ другихъ не внутренними качествами, а геометрически—видомъ, положеніемъ и порядкомъ. Красные атомы образуютъ изъ себя огонь и душу. Познаніе вещей дѣлается возможнымъ для насъ вслѣдствіе того, что отъ вещей исходятъ матеріальные образы, достигающіе посредствомъ нашихъ чувствъ нашей души.

Таковы тѣ стадіи, которыя прошла греческая философская мысль до софистовъ.

§ 3. **Софисты.** *Софисты* выступили въ такую эпоху, когда, съ благоприятнымъ исходомъ персидскихъ войнъ, послѣдовалъ подъемъ греческаго самосознанія, но въ тоже время обнаружилось соперничество между городами, а въ городахъ между фамиліями и отдѣльными лицами. Въ Аѣнахъ въ особенности развились демократическія учрежденія на основѣ народнаго избранія и жеребья, съ упраздненіемъ всякихъ сословныхъ различій. Чувствовалась потребность въ такой наукѣ, которая подготовляла бы къ государственной дѣятельности, а такую наукою при тогдашнихъ обстоятельствахъ могла быть только риторика, какъ искусство владѣть живою рѣчь. Примѣръ Перикла показывалъ, какую силу надъ толпой можетъ имѣть искусная рѣчь оратора. Раньше риторика, если и существовала, то была дѣломъ благороднаго досуга или благородной праздности; теперь отъ риторики стали требовать, чтобы она подготовляла и воспитывала государственныхъ людей. На эту потребность или спросъ откликнулись люди мудрости—софисты, какъ они сами себя называли. Что касается содержанія этой мудрости, то изъ предшествующей исторіи развитія греческой философской мысли, софисты вынесли лишь то убѣжденіе, что существовала масса философскихъ міровоззрѣній, изъ

которыхъ одно противорѣчило другому, и которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, оказывались непригодными для цѣлей практической политики. Значить центръ тяжести въ наукѣ или въ искусствѣ риторики нужно было поставить не въ содержаніи, а во внѣшней сторонѣ—въ краснорѣчии.

Софистъ Протагоръ, старшій современникъ Сократа (род. около 485 г. до Р. Хр.) воспользовался раньше его уже сдѣланнымъ перенесеніемъ гераклитовскаго ученія о вѣчномъ теченіи или вѣчной измѣняемости всѣхъ вещей на понятія познающаго субъекта и выставилъ слѣдующій тезисъ: *человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей*, т. е. истинное сущее есть то, что каждому отдѣльному человѣку представляется таковымъ. При дальнѣйшемъ развитіи этого тезиса, у Протагора и другихъ софистовъ (Горгій, Гиппій, Продикъ), получался выводъ, что не существуетъ ничего объективно истиннаго, объективно добраго, объективно справедливаго; все относительно; истинное, доброе и справедливое есть то, что кажется таковымъ каждому отдѣльному субъекту въ данный моментъ. Въ связи съ этимъ находится воззрѣніе софистовъ на право и государство. Право есть то, что постановлено законодателемъ, или договорнымъ соглашеніемъ, а закономъ или договоромъ можно установить все, что представляется выгоднымъ въ данный моментъ. Государство есть не что иное, какъ господство сильнаго надъ слабыми, и законодатель можетъ издавать какой угодно законъ, если онъ имѣетъ силу провести его. Софисты хвалились, что они обладаютъ искусствомъ (и другихъ учатъ этому же искусству) все доказывать и все опровергать и различныя вещи представлять, какъ тождественныя (т. е., напр., что черное и бѣлое—одно и то же). Понятно, что при такихъ операціяхъ требовалось прежде всего и болѣе всего краснорѣчіе въ связи съ діалектической ловкостію, т. е. съ умѣньемъ расчленять и сопоставлять сужденія, дѣлать изъ нихъ выводы или заключенія, которыя требовались въ данный моментъ. Знаніе и изученіе мудрости сдѣлалось у софистовъ профессіей, вознаграждаемою, какъ и всякія другія профессіи. Прошедшій чрезъ школу софистовъ получалъ способность дѣйствовать на толпу своею рѣчью въ интересахъ своихъ, или въ интересахъ своей партіи. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что „мудрость“ софистовъ могла породить лишь величайшую путаницу въ понятіяхъ и въ правахъ, и что софистическая школа оказывалась не подготовкою къ общественной жизни, а вреднѣйшимъ ферментомъ ея разложенія, хотя софистамъ нельзя отказать въ нѣкоторыхъ заслугахъ въ области филологіи и грамматики. Эту опасность усмотрѣлъ и противъ этой опасности вооружился Сократъ.

§ 4. **Сократъ и его ученіе.** *Сократъ* (род. около 470 г. до Р. Хр.), не смотря на его низкое происхожденіе (сынъ бѣднаго каменотеса) былъ рѣшительнымъ противникомъ демократіи. Если, говорилъ онъ,

въ обыденной гражданской жизни по всякому дѣлу обращаются къ свѣдущему человѣку, то было бы въ высшей степени негѣпо, если бы въ важнѣйшихъ дѣлахъ политическаго порядка рѣшеніе предоставлялось жребію, или, еще того хуже, выборамъ. Этимъ нерасположеніемъ Сократа къ демократіи гейдельбергскій профессоръ Виндельбандъ объясняетъ первое сближеніе съ Сократомъ молодого аристократа Платона (по отцу происходилъ отъ Кодра, по матери отъ Солона), который потомъ сдѣлался ученикомъ и горячимъ почитателемъ Сократа. Въ извѣстномъ смыслѣ Сократъ стоялъ на общей почвѣ съ софистами, именно 1) въ томъ отношеніи, что центръ его философствованія— не міръ, какъ у предшествующихъ греческихъ философовъ, а человѣкъ, и 2) въ томъ, что, и по мнѣнію Сократа, всякая способность имѣеть своимъ корнемъ знаніе, слѣдовательно и способности гражданина знаніемъ же пріобрѣтаются, т. е. нужно учиться быть способнымъ гражданиномъ. Но способный гражданинъ — не тотъ, кто умѣлъ бы заботиться только о себѣ самомъ, проводить мнѣнія и интересы свои и своей партіи, а тотъ кто понимаетъ благо цѣлаго и дѣйствуетъ въ этомъ направленіи. Отъ науки Сократъ требовалъ, чтобы она дѣлала изучающихъ ее способными къ служебію не личнымъ интересамъ, а отечеству, — способными въ нравственномъ смыслѣ т. е. добродѣтельными. Итакъ добродѣтель основывается на знаніи; ей нужно учиться. Сократъ желалъ улучшить нравы путемъ пріобрѣтенія достовѣрнаго знанія и твердыхъ понятій. Кто знаетъ въ чемъ состоитъ правильный образъ дѣйствій, тотъ и дѣйствовать будетъ правильно, и напротивъ неправильный образъ дѣйствій зависитъ отъ незнанія того, что есть правильное и что неправильное. Правильно (или, что тоже, добродѣтельно) есть то дѣйствіе, которое имѣеть цѣлью принести истинную пользу, счастье или блаженство (*eudaimonia*). Девизъ Сократа: „познай самого себя“ (*γνώθι σεαυτόν*), учить сдерживать и обуздывать свои склонности и страсти. Путемъ мышленія и самопознанія человѣкъ убѣждается въ томъ, что умѣренному лучше живется, чѣмъ невоздержному, что справедливый болѣе выигрываетъ, чѣмъ несправедливый, и что знаніе есть лучшее средство къ тому, чтобы различать дѣйствительныя опасности отъ мнимыхъ. Такимъ образомъ знаніе дѣлаетъ человѣка обладателемъ трехъ добродѣтелей: умѣренности, справедливости и мужества. Отсюда видно, что Сократа можно назвать утилитаристомъ въ области морали. Все, даже и отношеніе къ другимъ людямъ и къ богамъ, измѣряется пользою. Доброе есть вмѣстѣ и прекрасное, и полезное, а такъ какъ только добродѣтель доставляетъ человѣку истинное счастье или блаженство, то доброе есть вмѣстѣ и пріятное. У Сократа, какъ и у позднѣйшихъ представителей греческой философской мысли, право, мораль и даже эстетика сливаются въ одну идею прекраснаго и добраго, (*καλοῦ καγαθοῦ*). Въ государственномъ порядкѣ истиннымъ властителемъ надъ другими

можетъ быть только мыслящій, знающій и добродѣтельный. Добрый властитель долженъ быть какъ бы пастыремъ надъ подвластными; добродѣтель его, какъ правителя, состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать ихъ счастливыми. Законы различаются какъ писанные и неписанные, (естественные); первые должны сообразоваться съ послѣдними. Въ этихъ пунктахъ Сократъ, какъ и въ другихъ, вступалъ въ оппозицію софистамъ, которые считали закономъ только то, что постановлено. Сократъ не писалъ никакихъ философскихъ трактатовъ и не предлагалъ своихъ услугъ въ качествѣ профессиональнаго учителя, какъ софисты; но онъ готовъ былъ вступить въ собесѣдованіе со всякимъ, кто желалъ чему нибудь научиться отъ него, или просто имѣть обмѣнъ мыслей съ нимъ. Діалоги Сократа записаны ученикомъ его Платономъ, но есть основаніе думать, что Платонъ не задавался цѣлью съ стенографическою точностію воспроизвести все то и только то, что говорилъ Сократъ. Въ рѣчь Сократа Платонъ могъ вставлять и свои мысли, желая этимъ сказать, что онъ считаетъ себя истиннымъ ученикомъ Сократа и ученіе свое правильнымъ развитіемъ взглядовъ Сократа. Замѣчательны приемы, которыхъ держался Сократъ въ своихъ собесѣдованіяхъ съ разными лицами. Желая привести своихъ учениковъ или собесѣдниковъ къ ясному и надежному познанію истины, Сократъ не ставилъ какого либо общаго догматическаго положенія, которое бы потомъ подтверждалось разными доказательствами, а своими вопросамъ заставлялъ самого собесѣдника *найти* то общее положеніе, которое требовалось отыскать. Этотъ методъ обученія получилъ названіе сократическаго или гевристическаго (отъ *εὐρίσχω*—нахожу). Не какъ методъ преподаванія или обученія, а какъ методъ изслѣдованія и отысканія истины, сократовскій способъ есть очевидно методъ индуктивный, а не дедуктивный. Отправнымъ пунктомъ для Сократа, какъ выше было сказано, служило не общее положеніе, изъ котораго потомъ дѣлались бы частные выводы, а какое нибудь явленіе обыденной жизни, конкретный фактъ, отъ котораго посредствомъ ряда вопросовъ онъ восходилъ къ общему принципу, хотя лично о себѣ самомъ всегда говорилъ, что знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Въ собесѣдованіяхъ съ софистами и съ другими людьми, претендовавшими на мудрость и знаніе, особенно ярко выступала эта знаменитая Сократовская *иронія* (*ἰρωνεία*), т. е. самоуменьшеніе или самоуничиженіе Сократа, заканчивающееся его торжествомъ: Сократъ сначала повидимому, преклоняется предъ мудростію собесѣдника, чувствуя свое ничтожество, но, заставивъ его посредствомъ ряда вопросовъ высказаться, и подвергнувъ діалектической провѣркѣ все высказанное, разбиваетъ въ прахъ эту мудрость.

§ 5. **Сократическія школы.** Сократъ оставилъ послѣ себя много учениковъ, которые однако, большею частію односторонне усвоивали

и развивали ту или другую изъ идей Сократа, становясь во главѣ цѣлыхъ школъ. Такова во первыхъ, школа *мегарянъ*, основанная *Евклидомъ*, (котораго не должно смѣшивать съ александрийскимъ математикомъ Евклидомъ, жившимъ на цѣлое столѣтіе позднѣе) комбинировала этическое ученіе Сократа съ ученіемъ Элеатовъ о единомъ истинно сущемъ, понимая подъ сущимъ понятіе добра. Такимъ образомъ то, что у Сократа было именно *понятіемъ*, которое достигалось посредствомъ изученія, и познанія, въ ученіи Евклида оказывалось единымъ истинно сущимъ бытіемъ, или существомъ, которое называютъ разными именами: мышленіемъ, Богомъ, разумомъ. Противоположность добру есть не бытіе, не сущее. Доброе всегда остается неизмѣннымъ и самому себѣ равнымъ. Прибѣгая къ діалектикѣ, которая могла дать оружіе для доказательства этого ученія мегаряне часто сближались съ софистами. Другіе ученики Сократа пошли по другимъ направленіямъ. Такъ *Антисоенъ*, основатель школы циниковъ одностороннимъ образомъ развилъ мысль Сократа о самообладаніи или самообузданіи. Истинный мудрецъ долженъ чувствовать себя самодовольнымъ и независимымъ отъ всякихъ случайныхъ потребностей; условныя нормы общежитія для него необязательны; довольствуясь сознаніемъ своей добродѣтели, онъ даже прямо изолируетъ себя отъ общества. У позднѣйшихъ представителей этого направленія цинизмъ болѣе и болѣе вырождался въ высокомеріе и безстыдство. Третій ученикъ Сократа *Аристиппъ* изъ Кирены, основатель школы Киренаиковъ, одностороннимъ образомъ развилъ мысль Сократа о счастіи или блаженствѣ и объ удовольствіи (*ἡδονή*—отсюда названіе киренаиковъ гедонистами). Высшее благо и высшая цѣль жизни человѣка есть счастіе или блаженство. А счастливымъ или блаженнымъ дѣлаетъ человѣка то чувство удовольствія, которое онъ ощущаетъ въ себѣ въ данный моментъ. Испытывать удовольствіе въ настоящемъ—это и есть наша истинная задача, потому что только настоящее находится въ нашей власти. Удовольствіе нужно понимать не въ смыслѣ бурнаго аффекта, который можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ огорченіе и неудовольствіе, а въ смыслѣ кроткаго или спокойнаго движенія чувства. Нѣтъ такихъ удовольствій, которыя были бы, сами по себѣ, дурны, или, напротивъ, имѣли бы предпочтительную цѣну предъ другими. Все дѣло въ томъ, чтобы правильно пользоваться удовольствіемъ минуты, а для этого требуются размышленіе и добродѣтель. Истинный мудрецъ есть тотъ, кто, пользуясь удовольствіемъ, не дѣлается его рабомъ, а остается господиномъ надъ нимъ, такъ что онъ избѣгаетъ опасности настолько предаться удовольствію, чтобы отсюда произошли огорченіе, болѣзнь и несчастіе.

Ученіе Сократа въ его всецѣлости было усвоено и самостоятельно развито знаменитѣйшимъ изъ его учениковъ — Платономъ.

§ 6. Платонъ. Ученіе объ идеяхъ. Платонъ (род. около 427 г. до Р. Хр.) на основѣ ученія Сократа, но также принимая въ соображеніе и ученія предшествующихъ философовъ (Гераклита, Пифагора, Анаксагора и Парменида) построилъ цѣльную оригинальную философскую систему.

Ученіе Платона изложено въ написанныхъ имъ діалогахъ, въ большей части которыхъ центральною фігурою является Сократъ, дающій направленіе разговору и извлекающій изъ него существенные выводы. Но въ послѣднемъ по времени сочиненіи Платона: „Законы“, Сократъ отсутствуетъ. Платонъ много учился и много путешествовалъ. Находясь въ Сициліи, онъ хотѣлъ провести въ жизнь свое идеальное государство чрезъ сиракузскаго тирана Діонисія, но попытка оказалась неудачною. Діонисій отнесся къ нему враждебно и предалъ его въ рабство, какъ военноплѣннаго. Когда нѣкто Анникерисъ выкупилъ его изъ рабства, друзья Платона предложили выкупившему потраченную на выкупъ сумму денегъ, но Анникерисъ отказался взять ее, и на эти деньги былъ купленъ садъ нѣкоего *Академа*, въ которомъ Платонъ соединилъ вокругъ себя философствующихъ друзей. Философская школа учениковъ Платона и въ позднѣйшее время удержала названіе „Академіи“.

Въ философскомъ ученіи Платона обыкновенно различаютъ три части: діалектику, фізику и этику,—въ послѣднюю входитъ также и государственное ученіе Платона. Для нашей цѣли важно собственно изложеніе ученія Платона о государствѣ; но его трудно понять безъ соображенія взглядовъ Платона, относящихся къ области діалектики и фізики.

Совершенная мудрость, учитъ Платонъ, свойственна только Богу; человѣкъ можетъ лишь стремиться къ мудрости, быть любителемъ мудрости (*φιλόσοφος*) и по возможности, приближаться къ совершенной божественной мудрости. Философія есть наука о безусловномъ и неизмѣнномъ, какъ первооснованіи всего измѣнчиваго міра явленій, подлежащаго нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Это безусловное и неизмѣнное, это всеобщее и истинное сущее суть *идеи*. Онѣ существуютъ объективно, образуя изъ себя особый міръ, возвышенный надъ міромъ переходящихъ явленій. Сократъ довольствовался тѣмъ, что находилъ всеобщее въ представленіяхъ своихъ собесѣдниковъ, заставляя ихъ высказаться и постепенно доводя до яснаго сознанія какого либо общаго моральнаго принципа, твердаго и неизмѣннаго, независимаго отъ каприза людей, которые сегодня желали бы утверждать одно, а завтра другое. Для Платона этого мало. Онъ находитъ, что есть такіе общіе принципы, которыхъ нельзя производить изъ представленій основанныхъ на воспріятіи нашихъ внѣшнихъ чувствъ, которые возникаютъ исключительно изъ разумаго мышленія. Напр., если мы говоримъ о прекрасныхъ женщинахъ, о прекрасныхъ дѣтяхъ, о прекрас-

ныхъ лошадахъ и проч., и желаемъ отъ отдѣльныхъ представленій взойти къ понятію красоты, то это понятіе въ чистомъ и полномъ видѣ не содержится ни въ одномъ изъ отдѣльныхъ примѣровъ. Слѣдовательно идея красоты существуетъ самостоятельно и независимо отъ отдѣльныхъ предметовъ. Въ нашемъ мышленіи идеямъ соотвѣтствуютъ *понятія*, а съ понятіемъ имѣетъ дѣло *діалектика*,—это, по выраженію Платона, божественное искусство находить понятія, расчленять ихъ, располагать въ порядкѣ; изъ нея только и почерпается истинное знаніе, а такъ какъ и Платонъ, согласно съ Сократомъ, добродѣтель основываетъ на знаніи, то діалектика есть единственная основа и всякой истинной добродѣтели.

Платонъ соединилъ въ своей системѣ мысль Гераклита, что „все течетъ“, и ученіе элеатовъ объ истинно-сущемъ и неизмѣнномъ бытіи, схватываемомъ или постигаемомъ нашимъ мышленіемъ. Идей—это истинно сущее, совершенное, неизмѣняемое, вѣчное и непреходящее. Напротивъ, подлежащій нашимъ внѣшнимъ чувствамъ міръ явленій есть страна несовершеннаго, измѣнчиваго и текущаго, временнаго и становящагося. Здѣсь все находится на пути отъ бытія къ небытію и отъ небытія къ бытію. Здѣсь всегда можно сказать, что нѣчто существуетъ, и въ тоже время что его уже нѣтъ. Здѣсь нѣтъ ничего совершеннаго, ибо все текущее каждый моментъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно было. Но все таки между идеями и вещами или предметами наблюдаемаго нами міра существуетъ отношеніе: матеріальные предметы причастны идеямъ, и, благодаря именно этой причастности, данный, индивидуальный предметъ есть то, что онъ есть, въ отличіе отъ всего другаго. Идея относится къ вещи, какъ ея истинная сущность. Идея есть вмѣстѣ и образецъ, первообразъ, прототипъ отдѣльной вещи, а отдѣльная вещь въ отношеніи къ идеѣ есть лишь снимокъ, копія, подобіе. Идеи отражаются въ вещахъ, какъ въ тускломъ зеркалѣ. Не совсѣмъ яснымъ остается для изслѣдователей, какъ Платонъ понималъ отношеніе идей къ Божеству. Несомнѣнно, что Платонъ отождествлялъ божество съ идеей добра: идея добра тождественная съ Божествомъ—это, такъ сказать, солнце въ царствѣ идей. Но неясно, въ какомъ отношеніи къ Божеству состоятъ прочія идеи. По мнѣнію однихъ, Платонъ представлялъ ихъ себѣ самостоятельными существами не только въ отношеніи къ отдѣльнымъ вещамъ видимаго міра, но и въ отношеніи къ Божеству,—это взглядъ средневѣковой схоластики. Напротивъ, по мнѣнію древнѣйшихъ толкователей, въ особенности Отцовъ церкви, которые прилежно изучали сочиненія Платона, идеи не обособлялись отъ Божества, а помѣщались въ божественномъ Разумѣ, какъ мысли божественнаго Разума.

Вещи чувственнаго міра могутъ быть только предметомъ *представленія и мнѣнія*, а представленія и мнѣнія не могутъ имѣть